

Особая глава во втором разделе посвящена структуре византийской армии (с. 125—147). Четыре способа мобилизации, существовавшие в империи с ранневизантийского периода (налоговая, наследственная, добровольная и наемная (варварская)), сохраняются в целом и в последующие столетия. Однако с конца IX—X в. отбывание воинской повинности упорядочивается: с утверждением системы воинских поселений она все больше приобретает наследственный характер, так как владение стратиотскими участками передавалось по наследству. С этого времени, как показывает автор, в византийской армии существовали три категории воинов — мобилизованные, постоянные и наемные, причем две последние отличались лишь тем, происходили ли они из числа местных жителей или иноземцев. Что касается провинциального, т. е. фемного войска, то автор признает, что в источниках не делается различий между мобилизованными и постоянными войсками, поэтому о наличии здесь «*φοῦδοὶ στρατιώταις*» можно судить лишь по косвенным указаниям (с. 132—133), например о выдачах «*φύλας*». Автор решительно отвергает мнение, что речь мо-

жет идти о выплатах стратиотам-владельцам воинских держаний (с. 134—135). Обе категории воинов в провинции составляли в совокупности фемное войско, именно поэтому, по мнению Григориу-Иоанниду, они не отделены в источниках (с. 135).

Изменения, которые претерпевает византийская военная организация в XI в., кроме уже названных (возрастания значения тагмных войск и их централизации и ликвидации армии стратотив-земледельцев), выразились в увеличении иноземного элемента в воинских силах империи. Заключительный параграф раздела посвящен тагмам иноземных наемников (с. 144—148).

В монографии М. Григориу-Иоанниду решаются, разумеется, далеко не все вопросы, связанные с историей военной организации империи в рассматриваемый период (да автор, видимо, и не ставит себе такой задачи), однако это исследование обогащает наши представления о составе воинских сил византийской провинции.

В кратком заключении повторяются основные выводы исследования.

О. В. Иванова

Nubia Christiana / Akademia Teologii Katolickej. Warszawa, 1982. Т. I. 352 s. + Pls., figs., maps.

Принятое в конце 1950-х годов решение о строительстве высотной Асуанской плотины и связанная с этим угроза затопления Нилом огромных территорий побудили ЮНЕСКО выступить с призывом к научной общественности мира помочь Египту и Судану в деле изучения и спасения нубийских памятников культуры и искусства. Ученые более пятидесяти стран откликнулись на этот призыв. С 1960 г. в долине Нила развернулись широкомасштабные работы, координатором которых выступило Общество по изучению нубийских древностей (Society for Nubian Studies).

Особенно весомый вклад в изучение Нубии внесли ученые Польши. Создание в 1961 г. в Каире Польского центра средиземноморской археологии, а вслед за этим — Центра Нубийских исследований при Польском институте средиземноморской археологии в Варшаве явилось прочной базой для всестороннего изучения нескольких древних объектов на территории Нубии — Олд-Донгола, Гран Ком, Кадеро и, конечно же, Фарас. Организатором и подлинным вдохновителем всех этих мероприятий был выдающийся польский археолог профессор Казимеж Михаловский (1901—1981).

Результаты двадцатилетней многосторонней исследовательской деятельности польских ученых, занимающихся нубиологией, находят отражение в материалах международных симпозиумов, семинаров, коллоквиумов, в ряде издающихся в Польше публикаций. Последний в ряду таких публикаций — изданный в конце 1982 г. Академией католической теологии в Варшаве первый том «Nubia Christiana» (редактор С. Якобельский, при участии

Б. Ростковской). Авторы посвятили его памяти К. Михаловского.

Исследовательскую часть предваряет краткое вступление (на французском и польском языках), написанное К. Михаловским (с. 5—8). В нем он обрисовывает основные проблемы, стоящие перед исследователями Нубии, состояние их изученности на сегодняшний день, дает общую характеристику сборника, выделяя работы иностранных авторов (Дж. Плэмли, Д. Вантини) и выражая уверенность, что «Nubia Christiana» со временем станет интернациональным органом.

Книга включает двенадцать работ одиннадцати авторов (большинство из которых принимало участие в раскопках под руководством К. Михаловского). Статьи написаны по-английски и по-французски и сопровождаются развернутыми аннотациями на польском языке. На с. 9—14 приведена литература по нубиологии, включающая более 150 названий. Работы (кроме одной) насыщены библиографическими ссылками.

Сборник открывается статьей Президента Общества по изучению нубийских древностей, многолетнего руководителя раскопок в Ибриме (крепость, моельни, некрополь) Дж. М. Плэмли «Новые данные о христианской Нубии в свете недавних раскопок» (с. 15—21). Автор отмечает, что, основываясь на третьей части «Церковной истории» епископа Иоанна Эфесского, временем распространения христианства в Нубии принято было считать середину VI в., когда в Нубию прибыл первый христианский миссионер Юлиан с посланием от византийского императора. Однако добытые археологами материалы заставляют пере-

смотреть эту дату: в 1972 г. внутри крепости Ибрима был раскопан христианский храм, выстроенный, скорее всего, во второй половине V в., что доказывает распространение новой религии в этом районе в это время¹. На сегодняшний день храм этот — самое раннее христианское сооружение в Нубии.

В сборнике опубликовано обстоятельное исследование П. Гарткевича «Введение в историю нубийской церковной архитектуры» (с. 43—105). Эта работа построена по следующей схеме: история архитектурных исследований и развитие археологии; архитектурные проблемы; состояние исследований по церковной архитектуре Нубии (обстоятельно разбираются типологические построения Д. Милехам, критически рассматриваются теоретические предположения С. Кларка и У. Моннье де Виллара, излагается взгляд на этот вопрос У. И. Адамса); виды нубийских поселений; методы строительства и материалы, применявшиеся в христианскую эпоху (наиболее распространенными материалами и основой связующих растворов были, как прежде, ил и глина). В заключение автор предлагает свои гипотезы о развитии нубийской церковной архитектуры: он выделяет в ней три основных этапа, которые, в свою очередь, подразделяются на фазы и направления. Для большей наглядности автор предлагает графическую схему этого развития (с. 74). Статья снабжена богатым иллюстративным материалом (более двадцати планов, разрезов, схем, рисунков). Интересны предлагаемые П. Гарткевичем (с. 87, рис. 16) сопоставления нубийских памятников с однотипными армянскими сооружениями (Эчмиадзинский кафедрал, V в.; храм в Багаране, VII в.; Двинский собор, VII в.).

К обширной литературе, использованной автором, уместно добавить статью С. Якобельского на ту же тему².

«Архитектурную тему» сборника продолжает работа В. Годлевского «Крепость церкви в храме Мандулиса в Калабша» (с. 134—140). В Калабша на месте древнего святилища при Августе и его преемниках был выстроен храм, посвященный нубийскому богу солнца Мандулису. Позднее к восточной стене храма христиане пристроили церковь. (В 1960-х годах храм перенесли на новое место). Внимание автора привлек юго-восточный угол гипостильного зала храма. В христианскую эпоху здесь отго-

родили деревянными перегородками площадку (3,49×3,25 м), в восточной стене выдолбили нишу (58×50×46 см), по сторонам ее процарапали по кресту, а сверху поместили фреску «Три отрока в печи огненной» — сюжет, известный и по росписям Фараса. Автор полагает, что в этом месте была крещальня. Его предположение находит подтверждение в ряде памятников. В нескольких нубийских языческих храмах, приспособленных христианами для своих нужд (Абу Ода, Вади эс-Себуа, Акша и др.), в тех же юго-восточных углах встречаются подобные сооружения, в некоторых из них даже сохранились высеченные из камня купели.

Несколько статей в сборнике посвящено живописи Нубии.

В работе Божены Ростковской анализируется современное состояние изученности этой области искусства средневековой Нубии (с. 283—299). Автор отмечает наличие трех видов нубийской живописи: монументальной, станковой и миниатюры. В количественном отношении сохранность их разная: до нас дошло только две иконы и четыре образца миниатюры. Много больше сохранилось росписей VIII—XIV вв. На с. 290—291 перечислено шестнадцать пунктов с сохранившимися фресками, одиннадцать известны по документам, о двенадцати знаем по упоминаниям (см. карту на с. 291). Самый большой комплекс росписей (более полутора сотен) обнаружен в соборе древней столицы христианского государства Нобадия — Фарасе. Автор перечисляет наиболее популярные у местных художников библейские сюжеты и персонажи, отмечает широкое распространение во фресках Нубии изображений святых воинов³, воинов-всадников, крайнюю редкость изображений святых жен. Б. Ростковска обращает внимание на присущую нубийской живописи особенность: живые нубийцы изображались с темной, натурального цвета кожей, умершие и святые — белокожие. По мнению автора, иконография росписей Нубии во многом отлична от византийской, наблюдаются различия и между нубийской и коптской живописью как по линии стиля, так и иконографии. Различным проблемам широкой темы «нубийская живопись» посвящены работы С. Якобельского, Малгожаты Мартенс-Чарнецкой, М. Стейнборна, А. Лукашевича.

В статье «Заметки о хронологии стен,

¹ Эта же экспедиция установила конечную дату существования христианства в Нубии. В 1963—1964 гг. при раскопках в крепости Ибрима христианского храма (самого крупного церковного сооружения во всей Нубии) был вскрыт склеп епископа. В его одеянии обнаружили два свитка (длиной около пяти метров каждый) на коптском и арабском языках. В них содержалось описание церемонии возведения епископа в сан главы епархии Ибрима и Фараса в 1372 г. Могила епископа, свитки и другие находки неопровержимо доказывают, что мусульманское нашествие в XII в. не уничтожило полностью христианство в Нубии; оно продолжало существовать здесь в XIV и даже в XV в.

² *Jakobelski S. Nubian Christian Architecture // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1981. Bd. 108. N. I. S. 33—48.*

³ Эти изображения посвящена не ученная автором работа: *Frend W. H. C. The Cult of Military Saints in Christian Nubia // Festschrift für Erich Dinkler zum 70. Geburtstag. Tübingen, 1979. S. 155—163.*

ной живописи Фараса VIII—IX вв.» С. Якобельский (с. 142—167), тщательно проанализировав стиль и колорит живописи, иконографию изображений на стенах собора в Фарасе, пришел к выводу о существовании шести сменяющих друг друга стилистических направлений. Он условно называет их по преобладанию в колорите росписей того или иного цвета и, для простоты, каждое стилистическое направление обозначает латинскими литерами. В VIII в. господствовал так называемый «фиолетовый» стиль — А (автор отнес к нему 36 фрагментов стенописи). В IX—начале X в. сменяли друг друга три стиля: «позднефиолетовый» — В (10 фрагментов), «переходный» — С (5 фрагментов) и «белый» — D. Росписи первой половины X в. характеризуются как живопись «желто-красного» стиля — E. С конца X в. по конец XII в. — эпоха трех «многокрасочных» стилей: I — F, II — G, III — H. С XIII в. господствует «поздний» стиль — I. Автор ограничился рассмотрением стеной живописи Фараса в наиболее интенсивный период художественной жизни этого центра — начало VIII—вторая половина IX в. и пришел к заключению: живопись Фараса этого периода исполнена в местном художественном стиле талантливыми мастерами.

Два аксонометрических плана собора в Фарасе (на с. 148 и 149) со схематическим расположением изображений стилей А, В, С позволяют наглядно представить хронологическую последовательность нанесения росписей на стены храма.

Статья А. Лукашевича — «Окружение изображения анахорета Аарона в соборе Фараса» — (с. 192—211) посвящена образительным мотивам и надписям, сопровождающим «портрет» св. Аарона, исполненный в 954 г. Анахорет представлен на северной стене северного нефа храма в рост, в позе оранта, рядом с изображением Марии, сидящей на троне. Вблизи Аарона — пояснительные надписи, крест, финиковое и пальмовое деревья. По мнению автора, анахорет Аарон представлен здесь в раю в непосредственной близости от богоматери, что должно свидетельствовать о высоком почитании местного патрона нубийцев.

В работе «Использование декоративных орнаментов и мотивов на фресках Фараса как критериев для их датировок» (с. 214—219) М. Мартенс-Чарнецка уточняет классификацию орнаментики стенописи Фараса. На первоначальном этапе изучения живописи Фараса К. Михаловский считал пять орнаментальных групп, по уточненным автором данным — их девять. Наблюдения М. Мартенс-Чарнецкой позволили расширить и конкретизировать хронологию этой живописи. Автор выделяет в ней три основных временных периода в развитии орнаментики: VIII—X вв. — эпоха формирования орнаментики и обогащения колорита; конец X—конец XII в. — «классический» период, характеризующийся эволюцией и усложнением орнаментики; XIII—XV вв. время упадка декоративности, выразившегося в пренебрежительном отношении

к деталям рисунка и в повторении привычных старых схем. Свои положения автор иллюстрирует прорисовками декоративных элементов, присущих каждой из трех групп (рис. на с. 216—217). По мнению М. Мартенс-Чарнецкой, построение и колорит орнаментальных мотивов Фараса при всей типичности нубийской специфичности, схожи с орнаментикой коптской, сиро-палестинской и византийской.

Характер декоративных элементов и их колористический строй полностью совпадают с основными выводами исследований, посвященных живописи Фараса. Наблюдения автора позволяют расширить и конкретизировать хронологию этой живописи (например, датировку стилистических групп С. Якобельского. Ср.: с. 144 с 216, 217).

Статья М. Стенборна называется «Упряжь в нубийской стеной живописи» (с. 305—343). В ней автор излагает историю возникновения типа святых всадников, вскрывает причины, обусловившие широкое распространение в живописи Нубии образов конников, и отмечает влияние на сложение и развитие этих образов культурных традиций других народов. Далее — подробно рассматриваются нубийские изображения, на которых виден конский убор, дается его классификация, приводятся пояснения типов и видов. Текст сопровождается многочисленными рисунками.

Две статьи сборника освещают развитие некоторых видов прикладного искусства Нубии христианского периода.

Работа Камилы Колодзейчик посвящена хранящейся в польских собраниях керамике из Фараса (с. 173—187). Значение этого материала велико, поскольку происходит он из крупного центра керамического производства, каким был Фарас — резиденция нубийских епископов в христианскую эпоху. Автор прослеживает развитие формы разнообразных по назначению сосудов (горшки, кувшины, блюда) и светильников, типы глины, характер декора и т. п. на протяжении трех столетий — с 650 г. по 950 г. Особый интерес представляет керамика из захоронений епископов Фараса (Иоанна, Петра, Стефана и др.), чьи годы смерти мы знаем из надписей на стелах.

В статье «Ручные и нагрудные кресты из Фараса» (с. 223—270) Э. Ратински подчеркивает необычайно широкую популярность креста в церкви Нубии (что, кстати, подтверждается и рядом работ, представленных в этом сборнике) и уникальную интерпретацию (сочетающую два мотива: Вознесение в коптском варианте *Majestas Domini* и Провознесение креста) этого символа в росписях нескольких нубийских комплексов (Фарас, Тамит, Абдалла—Нирки). Автор констатирует, что изображения различных по формам крестов встречаются часто, археологические находки, напротив, довольно редки, поэтому он привлекает к исследованию не только вещи, но и материалы росписей. Кресты из Фараса он делит по формальным признакам на три группы. В первую он

включает подвесные кресты. Вторую группу составляют кресты с рукоятями. Третью группу образуют кресты, концы которых соединены друг с другом цепочками. Статья снабжена многочисленными иллюстрациями⁴.

Д. Вантини в своей статье (с. 25—40) рассматривает бытующие среди мусульманского населения нынешнего Судана христианские обычаи и традиции. Исследование построено на анализе исторических и литературных источников, устных преданий и данных археологических раскопок. Часть обычаев связана с изображениями христианских символов (голубь, рыба, крест; украшения входных дверей домов тарелками, из которых выкладывались фигуры в форме крестов). Большинство же принадлежит к обрядам и церемониям, относящимся к рождению ребенка (христианские по духу молитвы за роженицу; осенение мусульманами знаком креста детей; так называемый ритуал «Мария», заключающий в себе очистительного характера церемонии и сопровождающийся обращениями к Марии⁵ и др.).

Работу Д. Вантини дополняет заметка К. Колодзейчик (с. 190—191), в которой

автор сообщает о факте, имевшем место недавно при раскопках одной из церквей X в. в Судане (так называемая «церковь на южном склоне» в Ком). В церковь вошли три местные женщины-мусульманки с белыми мешками для хлеба, украшенными нанесенными черной краской крестами. Женщины преклонили колени. Они не могли объяснить, почему опустились на колени и что означают кресты на их мешках.

Вошедшие в сборник «Nubia Christiana» свежие данные по целому ряду проблем, тематическая широта представленного в нем материала, его квалифицированная разработка ставят это издание в ряд ценных публикаций по нубиологии. Сборник представляет интерес не только для нубиологов, но и для специалистов смежных дисциплин.

Выход первого тома «Nubia Christiana» следует расценивать как своеобразную заявку на издание последующих томов. Редколлегия сборника надеется на сотрудничество в нем ученых других стран. И это можно только приветствовать. Жизненность этого органа несомненна, порука тому — успехи нубиологии и неослабеваемый интерес к ней⁶.

А. Я. Каковкин

⁴ Богатый сравнительный материал представлен в: Krzyz koptyjski i jego naśladownictwa: Kolekcja Wacława Korabiewicza. Warszawa, 1976; Ludwig G. La croix dans l'art copte // Le Monde copte. 1980. IV. P. 3—10.

⁵ Подробнее об этом ритуале см.: Crowfoot J. W. Angels of the Nil // Sudan Notes and Records. Khartoum, 1919. II. N 3. P. 183—193.

⁶ Следует заметить, что советские исследователи, продолжая традиции русских ученых (А. Норов, А. Розов и др.), также вносят заметный вклад в изучение Нубии. Зимой 1961—1962 гг. в Дакке и Вади-Аллаки работала археологическая экспедиция АН СССР под руководством акад. Б. Б. Пиотровского. См. об этом: Пиотровский Б. Б. Археологическая экспедиция в Нубии // Вестник АН СССР. 1962. № 8. С. 88—93; *Он же*. Древняя Нубия: Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике, 1961—1962 гг. М.; Л., 1964; *Он же*. Вади-Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. М., 1983.

Связанные с Нубией проблемы изучает мероитская группа при Институте востоковедения АН СССР, периодически проводящая научные конференции и публикующая их материалы. Вышло два сборника: Мероз: История, история культуры, язык древнего Судана. М., 1977; Мероз: Проблемы истории и культурных связей. М., 1981. Вып. 2.